

лина клех

A person in a dark cape stands in the center of a cobblestone street at night. The street is lined with gothic-style buildings. The scene is overlaid with a complex network of glowing blue circuit lines that form a grid-like pattern. A bright red lightning bolt strikes down from the sky, illuminating the scene. The overall atmosphere is dark and futuristic.

**ТОТ, КТО ВИДИТ
ПРОВОДА**

Лина Клех

Тот, кто видит провода

<https://litres.ru/74034248>

SelfPub; 2026

Аннотация

Электрик Владимир тридцать лет находил обрывы там, где другие видели лишь темноту. Он доверял только своим рукам и щелчку контакта, встающего на место. Пока однажды не услышал щелчок, которого быть не могло.

Лишний звук в мёртвой тишине. Свет без источника. Провод, уходящий в никуда.

Сначала он решил, что сходит с ума. Но чем дольше смотрел, тем яснее видел правду: реальность — это электросхема. Огромная, безупречная, собранная не человеком. И в ней есть сбой.

Владимир делает то, что умеет лучше всех: ищет неисправность. Контакт за контактом он подбирается к сердцевине системы. Вот только её писал не он. И кто-то по ту сторону уже понял, что один элемент вышел из-под контроля.

Грань между сном и явью истончается. Мир мерцает, как лампа перед тем, как перегореть. Один разрыв контакта — и всё погаснет.

А теперь главный вопрос — к тебе. Ты бы решился найти этот провод? И хватило бы смелости его перерезать, зная, что обратно дороги может не быть?

Содержание

Эпиграф	5
Пролог	6
Глава первая. Дежурный режим	9
Глава вторая. Семь секунд	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лина Клех

Тот, кто видит провода

Посвящается С. В. А. — человеку, который первым показал мне, что за каждым проводом скрывается смысл, а за каждой тьмой — свет, который нужно лишь найти
Ты знаешь, о ком речь

Эпиграф

В любой схеме есть один-единственный контакт, разорвав который, ты погасишь всё. Вопрос не в том, найдёшь ли ты его. Вопрос в том — посмеешь ли разорвать.

Пролог

Свет погас в 03:17.

Владимир Токарев запомнил это число точно — за секунду до темноты он смотрел на электронные часы у изголовья. Зелёные цифры висели в воздухе, ровные, привычные.

А потом перестали быть. Не мигнули, не угасли, как при перебоях. Кто-то выдернул их из реальности одним движением.

Он сел. В комнате стояла та плотная тишина, какая бывает только при полном отключении. Не гудел холодильник. Не шуршал роутер. Не пульсировал на грани слышимости электрический фон, который обычный человек не замечает, а тот, кто пятнадцать лет лазает по щиткам, чувствует кожей, костями, зубами.

И всё же что-то осталось.

По стене, там, где проходила скрытая проводка, тянулась тонкая линия. Бледно-голубая, пульсирующая в такт чему-то невидимому. Он моргнул. Линия не исчезла.

Он провёл по ней взглядом — от выключателя у двери вверх, к потолку. Обычный маршрут проводки, который он нарисовал бы вслепую. Только сейчас этот маршрут светился. И не один. Вся комната была оплетена тончайшей сетью голубоватых нитей. Они уходили в стены, сквозь пол, к соседям, дальше — за пределы дома.

Электричества не было. Провода — были. И они жили.

Он встал, осторожно ступая босыми ногами по холодному полу, подошёл к окну, отдернул шторы.

Город лежал во тьме. Ни огня — ни в окнах, ни на улицах, ни в небе, где должны были мигать самолёты. Полное, мёртвое отключение.

Но город не был тёмным.

Сквозь чёрные силуэты домов, сквозь стены, сквозь землю тянулись те же светящиеся нити. Миллионы линий, ветвящихся, сходящихся в узлы. Они опутывали всё. Они были всем — огромная схема, проступившая из-под кожи реальности, как вены под содранной кожей.

И где-то далеко, в самом сердце узора, одна линия мерцала неправильно.

Прерывисто, с перебоями. Так мерцает плохой контакт.

Внутри поднялось знакомое, профессиональное чувство — то, что заставляло его раз за разом лезть в распределительные щитки, искать причину неисправности. Где-то в этой схеме грелось. Что-то готовилось перегореть.

И он знал — не понимая откуда: если эта линия погаснет окончательно, погаснет всё. Весь свет. Вся реальность.

Часы на стене вспыхнули зелёным.

03:17.

Гудел холодильник. Шуршал роутер. Возвращался привычный фон мира. Светящиеся линии исчезли — все до единой. За окном горели фонари, в небе полз огонёк ночного

рейса.

Токарев стоял, и сердце колотилось так, будто он только что коснулся оголённого провода под напряжением.

Но руки помнили. Кожа помнила. И где-то под рёбрами осталось тихое, ноющее ощущение — будто он успел увидеть то, что видеть не должен был.

Будто мир на одно мгновение забыл закрыть перед ним служебную панель.

И теперь Токарев знал, где искать неисправность.

Глава первая. Дежурный режим

Утро началось так, будто ночи не было.

Будильник сработал в шесть. Токарев минуту разглядывал потолок, по которому больше не тянулось голубых нитей. Обычная побелка, трещина в углу, жёлтый отсвет фонаря, который не успели погасить. Он чувствовал себя человеком после крепкой пьянки — хотя не пил.

03:17. Цифры стояли перед глазами, стоило прикрыть веки.

Он умылся, поставил чайник. Руки делали привычное, голова молчала. К тому времени, как он спустился во двор, ночное происшествие улеглось ровным слоем — как улеглась бы любая дрянь, приснившаяся под утро. Усталость. Пятнадцать лет на щитках кого угодно научат видеть провода там, где их нет.

Так он себе и сказал. И почти поверил.

Подстанция №4 стояла на краю промзоны — приземистая бетонная коробка под низким серым небом. Токарев отпер дверь, и его встретило знакомое: маслянистый запах трансформаторов, ровное гудение, от которого вибрировал воздух. Он работал здесь дежурным электриком тринадцать из своих пятнадцати лет в профессии и знал каждый шкаф, каждую бирку, каждый потёк на зелёной краске.

Он открыл щит управления, и перед ним развернулась

картина — провода, реле, клеммы. Для постороннего — мешанина цветных жил. Для Токарева — текст, который он читал не глазами, а чем-то вроде позвоночника. Фаза, ноль, земля. Каждая линия знала своё место. Каждый контакт либо держал, либо подводил, и он чувствовал разницу раньше, чем успевал подумать.

Руки помнили больше, чем голова. Они находили обрыв там, где приборы ещё показывали норму, чуюли нагрев изоляции прежде, чем тот становился запахом.

— Володь, ты на месте? — заскрипела рация.

— На месте. Контур проверяю.

— Не торопись. К обеду похолодает, обещают.

Он отпустил тангенту, закрыл крышку щита, выпрямился и посмотрел в окно.

Город просыпался. Загорались окна, ползли машины. Картина была выверенной и привычной — как схема исправного щита.

И вот тогда он увидел это снова.

Тонкая красная линия. Она шла по краю соседней высотки — той, что сдали в прошлом году, — поднималась вдоль угла, переламывалась под прямым углом и уходила в небо. Не отражение, не блик сварки, не лопнувший в глазу сосуд. Она пульсировала с той самой неровностью, которую он знал наизусть.

Так мерцает плохой контакт.

Токарев замер. Ночь вернулась разом — голубые нити,

мёртвый город, цифры, выдернутые из реальности. Он смотрел на красную линию и понимал то, что не имело права быть правдой: он читал её, как читал бы провод в щите. Фаза. Перегруженная, искрящая на стыке. Только это была не проводка дома. Линия шла поверх стен, поверх воздуха, не касаясь ничего материального, словно кто-то проложил её прямо по реальности — и проложил неправильно.

Он зажмурился. Открыл глаза. Линия осталась.

Она тянулась дальше, чем он подумал. От угла высотки — к крыше торгового центра, оттуда наискось через перекрёсток — к водонапорной башне на горизонте. Целая трасса, перечеркнувшая город. И в одном месте, у самого основания соседнего дома, она мерцала особенно зло — там, где у нормальной разводки был бы плохо затянутый контакт. Место, которое греется. Место, с которого начинается пожар.

— Это не моё, — сказал он тихо. — Это не в щите.

Руки потянулись к рации и остановились на полпути. Что он скажет? Что видит красную линию в воздухе? Что реальность смонтирована с ошибкой, и он, дежурный электрик Токарев, эту ошибку нашёл — буднично, как находил оборванную жилу?

Рация молчала. Внизу шла обычная жизнь обычного дня.

А над городом, поверх всего, дрожала красная линия. И в месте плохого контакта что-то едва заметно темнело — как темнеет изоляция перед тем, как вспыхнуть.

— Володь? — снова ожила рация. — Володь, ты на связи?

Он не ответил.

— Володь, ты на связи?

Голос повторил это слово в слово — с той же интонацией, с тем же придыханием на «Володь». Не как человек, который переспрашивает. Как запись, поставленная заново.

Токарев медленно повернулся к рации.

А красная линия за стеклом мигнула — один раз, длинно — и погасла.

Он опустил рацию. Пальцы разжались, пластиковый корпус скользнул в карман спецовки, стукнувшись о фонарик. В подстанции было тихо — той особенной тишиной под низкое гудение трансформаторов, когда фон уже не воспринимается ухом, а живёт под кожей.

Он подошёл к окну, провёл ладонью по стеклу. Холодное, пыльное, обычное. За ним — серый двор, бетонный забор, чахлый тополь, потерявший половину листьев. Никакой линии. Никакого красного.

За тринадцать лет он научился различать настоящее и мнимое с той точностью, с какой различают фазу и ноль на ощупь — по секундной судороге, что пробегает по нерву раньше, чем мозг осознаёт опасность. Когда он видел искру — он видел искру. И эта красная нить была так же реальна, как обугленная клемма, к которой страшно прикасаться.

Он достал рацию.

— Седьмой, я Токарев. Серёг, ты на связи?

Шорох эфира. Ровный, белый.

— Серёга, приём.

Шорох. И вдруг — в самой глубине его, словно поднявшись со дна, прорезался голос. Не Серёгин. Не вполне человеческий. Он произнёс одно слово так, как машина читает текст по слогам, как старый автоответчик складывает фразу из нарезанных кусков:

— Во-лодь.

Токарев замер.

— Во-лодь. Во-лодь. Во-лодь.

Каждое повторение было абсолютно одинаковым. Не интонацией — именно одинаковым, как одна звуковая дорожка, проигранная трижды. Живой человек так не повторяет. Живой устаёт, сбивается, добавляет раздражение. Здесь не было ничего. Голая копия.

Он отпустил тангенту. Молчание. Нажал снова — и в ту же секунду, без паузы:

— Во-лодь.

Холод прошёл от поясницы вверх, между лопаток, к затылку. Не страх ещё — что-то перед страхом, инстинкт старше мыслей. Тот самый, что отдёргивает руку от провода за долю секунды до того, как ты понял, что он под напряжением.

Он посмотрел на рацию.

Индикатор не горел. Экранчик был тёмным. Прибор был выключен.

Несколько секунд он просто смотрел на маленький чёр-

ный прямоугольник, из которого только что — он слышал, он точно слышал — звучал голос. Выключенная рация — кусок пластика с мёртвым аккумулятором. Это знал любой первокурсник. Это знал он сам на уровне глубже знания.

Он нажал кнопку питания. Экран вспыхнул, цифры заряды выстроились в ряд: восемьдесят два процента. Эфир зашуршал буднично.

— Седьмой, приём, — сказал он почти шёпотом.

— Володь, ну ты где? — раздался голос Серёги, живой, недовольный, с настоящей человеческой усталостью. — Третий раз вызываю. На восьмом фидере опять моргает, спускайся, глянем.

— Иду.

Он постоял секунду, глядя в тёмное окно, за которым уже ничего не мерцало. Обычное стекло, обычный серый двор, обычный мёртвый тополь.

Но теперь он знал, куда смотреть.

Где-то в этой огромной, ровно гудящей системе появился плохой контакт. И впервые за пятнадцать лет Токарев не понимал, к какой схеме этот контакт принадлежит.

Он сунул рацию в карман и пошёл к лестнице. Под подошвами бетон отзывался гулко и правильно — ровно так, как должен отзываться настоящий бетон.

Слишком правильно.

Глава вторая. Семь секунд

Восьмой фидер моргал в темноте, как чьё-то веко.

Токарев не сразу понял, почему пришло именно это сравнение. Он стоял перед раскрытым шкафом, светил фонарём на ряд автоматов, и красный индикатор на одном то загорался, то гас — медленно, влажно, с неживой плавностью. Честная аварийная лампочка щёлкает. Эта — моргала.

— Долго ты, — сказал Серёга за спиной. Голос обычный, недовольный, человеческий. И всё-таки Токарев обернулся слишком резко, и луч фонаря на мгновение скользнул напарнику по лицу.

В этом луче лицо Серёги показалось пустым. Не злым, не усталым — именно пустым, будто кто-то старательно нарисовал знакомые черты, но забыл вложить внутрь человека. Это длилось долю секунды. Потом Серёга сморщился, отвёл глаза от света, выругался — и снова стал собой.

— Свети не в харю, а в шкаф, — буркнул он. — Гляди. Напряжение скачет. Я весь контур прозвонил — чисто. Изоляция в норме, всё протянуто, нагрузка ровная. А оно прыгает.

— Может, прибор врёт.

— Третий прибор уже. Все врут одинаково.

Это был хороший аргумент, и Токарев его ненавидел. Один прибор может соврать. Два — совпадение. Три, врут

щих синхронно, — это уже не приборы. Это значит, лжёт не измерение, а то, что измеряют. Лжёт сама величина.

Он присел на корточки и стал смотреть на дисплей мультиметра. Не лез отвёрткой — просто смотрел. У каждой поломки свой характер, и эту надо было дать выговориться.

Двести двадцать. Двести двадцать. Сто восемьдесят. Двести двадцать. Ноль.

— Серёг. Когда оно в ноль уходит — свет должен дёрнуться. Просадка. Лампа должна мигнуть.

— Ну?

— Посмотри на лампу.

Серёга поднял голову. Лампа под потолком горела ровно, вполнекала. Цифры падали в ноль — а свет не реагировал. Симптом был. Болезни не было.

— Слушай. — Серёга вдруг выпрямился, и в голосе появилась торопливость. — Я тут час торчу. Пойду наверх, в журнал запишу, диспетчеру отзвонюсь. Ты как, со мной?

— Останусь. Посмотрю.

— Ну смотри. Только не залипай.

Серёга хлопнул его по плечу — и Токарев успел заметить, что ладонь напарника была холодной. Не прохладной, как у живого в нетопленном помещении, а ровно холодной — как металл, как стекло, как клавиша, которую давно никто не нажимал.

Шаги удалились. Скрипнула дверь. Лязгнул замок. Стало тихо.

Он снова посмотрел на дисплей. Двести двадцать. Двести двадцать. Ноль. И теперь, в тишине, внимание выловило то, чего он не должен был замечать. Просадки шли не случайно. Они шли по часам.

Он начал считать шёпотом: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Ноль. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Ноль.

Каждые семь секунд.

Природа не считает. Изношенный металл, плохой контакт, наводка — всё это дёргается рвано, грязно, по-живому. А здесь стоял метроном. Здесь что-то отбивало такт с точностью, которой не бывает у уставшего железа. С точностью, которая бывает только у программы, исполняющей цикл.

Он достал телефон, включил секундомер, положил рядом.

Семь ноль ноль. Ноль. Четырнадцать ноль ноль. Ноль. Двадцать один ноль ноль. Ноль.

Ни малейшего отклонения. Не семь и две десятых. Ровно семь. И тогда холодная, чужая мысль вошла в него, как сквозняк из той черноты, куда уходили кабельные лотки.

А что, если это не поломка.

Что, если кто-то нарочно дал реальности просесть на одно мгновение каждые семь секунд — и в это мгновение что-то происходит. Что-то, чего не должны видеть. Дыра в кадре. Место, где ткань мира на долю секунды забывает притворяться плотной.

Он поднял фонарь и медленно повёл лучом. Шкафы. Лот-

ки. Дальний коридор, тонущий во тьме.

И тогда понял: смотреть надо не на свет, а на тьму. В тот единственный миг, когда напряжение падает в ноль.

Он навёл фонарь в глубину коридора и стал считать. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь.

На седьмой секунде, когда краем глаза он увидел, как цифры провалились в ноль, тьма в конце коридора моргнула.

Не свет. Тьма.

Она дёрнулась — будто кадр в старой плёнке сместился, будто кто-то на долю секунды поднял изображение коридора и положил обратно чуть-чуть не на то место. И в этот рваный миг Токарев увидел в глубине то, чего там не было ни секунду назад, ни секунду спустя.

Силуэт.

Высокий, неподвижный, стоящий в самом конце лицом к нему. Без черт. Без деталей. Просто более тёмная тьма, имеющая форму человека, который смотрит.

Потом наступила восьмая секунда. Цифры подскочили к двумстам двадцати. Тьма успокоилась. Коридор стал пуст.

Токарев сидел на корточках, не двигаясь, и слушал собственное дыхание. Фонарь дрожал, и пятно света мелко плясало на бетоне.

Шесть секунд тишины. И седьмая, в которую мир приоткрывается.

Он медленно поднял телефон. Оставалось пять.

Цифры менялись беззвучно, и каждая отнимала часть

воздуха. Четыре. Он не помнил, когда запустил отсчёт. Палец сам нажал кнопку. Три. Он понимал одно: когда таймер дойдёт до нуля, что-то произойдёт, и это что-то уже было решено без него.

Два.

Гудение трансформаторов начало стихать. Не разом — плавно, по нисходящей, будто кто-то медленно убирал громкость у самой реальности. Краски в коридоре теряли насыщенность, серели, словно из них вытягивали что-то невидимое, но необходимое.

Один.

Он закрыл глаза. Не хотел видеть, что займёт место мира, когда тот закончится. Но темнота под веками оказалась не темнотой — там, в глубине, мерцала тонкая красная линия, та самая, что он видел за стеклом. Она делила пустоту пополам и пульсировала в такт его сердцу. Семь ударов, пауза.

Ноль.

Ничего не произошло.

Он открыл глаза. Коридор стоял на месте — бетонный, тусклый, живой. Трансформаторы гудели. Краски вернулись. Секундомер показывал ноль и не двигался, застыв на этой цифре, будто время больше не считало само себя, а ждало распоряжений.

И тогда он услышал шаги. За спиной. Ровные, неторопливые, с интервалом, который он уже знал наизусть. Семь секунд между каждым. Кто-то шёл по коридору, который толь-

ко что был пуст, шёл к нему, и Токарев не оборачивался — потому что понимал: пока он не смотрит, фигура остаётся возможностью. Стоит обернуться — станет фактом.

Шаги остановились прямо за ним. Так близко, что он ощутил холод — не сквозняк, а отсутствие тепла, провал в температуре, какой бывает на месте, где никогда не было ничего живого.

— Ты считаешь, — произнёс голос. Тот же, чистый, лишённый эха. — Это хорошо. Те, кто перестаёт считать, не возвращаются.

— Кто ты? — Токарев не узнал собственного голоса.

— Тот, кто следит за швами. — Пауза, ровно семь секунд. — Их стало слишком много. Раньше я успевал. Теперь — нет. И ты заметил. Вас уже трое в этом городе. Когда станет семь, чинить будет нечего.

Он хотел спросить, что значит «чинить», что такое швы и почему семь, но в горле застрял ком. Он смотрел в дальний конец коридора, где снова сгущалась тьма — медленно, по краям, как иней на стекле.

— Не приходи завтра, — сказал голос. — Забудь про линию. Забудь про счёт. Живи ровно, не замечай. Тогда, может быть, ты их не услышишь.

— А если приду?

Голос помолчал. На этот раз дольше семи секунд — и эта неправильность напугала Токарева сильнее всего предыдущего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.